

ДЖОН РОНАЛЬД РУЭЛ

ТОЛКИН

**СКАЗКИ
ВОЛШЕБНОЙ СТРАНЫ**

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

ЭКСКЛЮЗИВНАЯ КЛАССИКА (АСТ)

Джон Толкин

Сказки Волшебной Страны

«Издательство АСТ»

1925, 1949, 1962, 1964, 1967, 1998

УДК 821.111-313.2
ББК 84(4Вел)-44

Толкин Д. Р.

Сказки Волшебной Страны / Д. Р. Толкин — «Издательство АСТ», 1925, 1949, 1962, 1964, 1967, 1998 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-180230-1

Цикл «Стихи из Алой книги» повествует о приключениях Тома Бомбадила, известного персонажа «Хоббита», а также знакомит читателя с волшебным миром Средиземья: с гномами, троллями, эльфами и прочими странными созданиями – персонажами легенд Старой Англии, которых гений Толкина наделяет романтическими и комическими чертами. Также в сборник вошла замечательная повесть-сказка «Роверандом», написанная Джоном Р. Р. Толкиным для его детей в 1925 году. После успеха «Хоббита», в 1937 году, она была подготовлена к печати, однако увидела свет лишь в 1998 году, когда автора уже не было в живых. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-313.2
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-180230-1

© Толкин Д. Р., 1925, 1949, 1962, 1964,
1967, 1998
© Издательство АСТ, 1925, 1949, 1962,
1964, 1967, 1998

Содержание

Предисловие	6
Роверандом	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Джон Рональд Руэл Толкин

Сказки Волшебной Страны

J. R. R. Tolkien

TALES FROM THE PERILOUS REALM

Печатается с разрешения HarperCollins Publishers Limited (UK) и Andrew Nurnberg Literary Agency

© The J. R. R. Tolkien Copyrights Trust, 1949, 1962

© The Tolkien Trust, 1964, 1967, 1998

© Tom Shippey, 2008

© Перевод. О. Степашкина, 2024

© Предисловие, перевод и перевод стихов. С. Лихачева, 2025

© Перевод. Н. Шантырь, 2024

© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

* * *

Фаэри – край опасный, есть там и ловушки для неосторожных, и темницы для чрезмерно дерзких <..>. Царство волшебной сказки обширно, глубоко и высоко, и много чем изобильно: водятся там всевозможные птицы и звери, есть там безбрежные моря и бессчетные звезды, зачаровывающая красота и вездесущее зло; радость и скорбь, острые, как мечи. Забредший в это царство, пожалуй, и вправе почитать себя счастливым – но изобилие и необычайность увиденного сковывают язык путника, что тщится о нем поведать. А пока он там, не след ему задавать слишком много вопросов, а то ворота, чего доброго, захлопнутся и ключи потеряются.

Дж. Р. Р. Толкин¹

¹ Отрывок из лекции «О волшебных сказках», прочитанной 8 марта 1939 года. Полный текст приводится в конце настоящей книги.

Предисловие

Мы не знаем, когда именно Толкин впервые обратился мыслями к Волшебной стране – к Опасному королевству Фаэри. В своем эссе «О волшебных сказках», приведенном в конце настоящей книги, он признается, что в детстве не слишком-то интересовался историями такого рода: помимо волшебных сказок ему нравилось еще много чего другого. «Истинный вкус» к ним «пробудила филология на пороге взросления; оживила и стимулировала его война». По всей видимости, это так и есть. Первое известное нам произведение Толкина, в котором проявился интерес к фэйри, это стихотворение под названием «Солнечный лес», написанное в 1910 году, когда Толкину было восемнадцать и он все еще учился в бирмингемской школе короля Эдуарда. К концу 1915 года, когда Толкин окончил Оксфордский университет и тотчас же вступил в армию, дабы сражаться в Великой войне, он сочинил еще несколько стихотворений: некоторые из них содержали ключевые элементы его будущей подробно разработанной мифологии Фаэри. А к концу 1917 года, в течение которого Толкин либо находился в военном госпитале, либо ждал, чтобы врачи признали его годным к воинской службе, он написал первый вариант сказаний, что спустя шестьдесят лет будут опубликованы в составе «Сильмариллиона», и Средиземье, равно как и Эльфийский дом за его пределами, в воображении автора обрели отчетливую форму.

Что было дальше – это долгая история, и сегодня мы знаем о ней куда больше, нежели прежде; но некогда сам Толкин подытожил ее сжато и выразительно в притче «Лист работы Ниггля». Принято считать, что произведение это во многом автобиографично и Толкин-писатель – неисправимый «ерундист»², как уверял он сам, – изобразил самого себя в образе Ниггля-художника. Ниггль, как рассказывается в притче, работал над множеством разных картин, но одна из них все больше поглощала его внимание. Сперва художник нарисовал отдельный лист, а затем – дерево; обычное дерево стало великим Древом; позади него в просветах между ветвями постепенно проступала целая страна, «леса, уходящие за горизонт, и горы, увенчанные снегом». Ниггль, как пишет Толкин, «утратил интерес к прочим своим полотнам. А часть из них просто взял и прикрепил к краям главной картины».

И снова перед нами – довольно точное описание того, чем Толкин занимался в 1920-х, 1930-х и 1940-х годах. В течение этих тридцати лет он продолжал работу над вариантами сюжетов «Сильмариллиона», время от времени сочинял и стихи (иногда даже не указывая авторство), придумывал и другие истории, не всегда их записывал и в ряде случаев поначалу рассказывал их только своим детям. Так возник и «Хоббит»: действие сказки происходило в Средиземье, но эльфийской истории Сильмарилей она касалась лишь мимоходом; если воспользоваться современным термином, это был спин-офф – ответвление от основного сюжета. Следующим таким ответвлением, теперь уже от «Хоббита», стал «Властелин Колец»: толчком к его написанию послужило то, что издатель настойчиво требовал продолжения к «Хоббиту». А Толкин, в точности как Ниггль, стал брать написанное прежде и «прикреплять к краям главной картины». Том Бомбадил, возникший как имя для детской игрушки, в 1934 году проник в печать в качестве главного героя длинного стихотворения, а затем стал, пожалуй, самой загадочной фигурой в мире «Властелина Колец». В эту грандиозную эпопею оказались втянуты и другие стихи: и шуточные, как «Олифант» Сэма Гэмджи, впервые опубликованный в 1927 году, и торжественные и печальные, такие как стихотворный вариант сказания о Берене

² Говорящее имя «Ниггль» образовано от английского глагола to niggle – заниматься ерундой, размениваться на мелочи, дотошно и придирчиво возиться с мелкими деталями. В письме № 236 Толкин называет себя niggler by nature – прирожденным «ерундистом». –Примеч. пер.

и Лутиэн, спетый Бродяжником на Непогодной вершине: его текст, в свою очередь, восходит к стихотворению, опубликованному в 1925 году, и основан на истории, написанной еще раньше.

Что именно явилось первоначальным «листом» толкиновского вдохновения и что он разумел под «Деревом», мы доподлинно не знаем, хотя «леса, уходящие за горизонт», пожалуй, наводят на мысль об энтах. Но эта небольшая аллегория лишней раз подтверждает мысль, высказанную Толкином в другом месте, а именно: «волшебные сказки», кто бы их ни рассказывал, они не столько о фэйри, сколько о Фаэри, то есть о Волшебной стране как таковой, об Опасном крае. Действительно, Толкин утверждал, что на самом деле существует не так уж много историй *про* фэйри или даже про эльфов, и подавляющая их часть – скромность не позволяла ему уточнить: «кроме тех, которые написаны самим Толкином», – не особо интересна. Большинство действительно хороших волшебных сказок посвящены «*приключениям* людей в Опасной Стране либо на ее сумеречных границах». И снова это – очень точное описание толкиновских сказаний о Берене на границах Дориата, о Турине, который сражается с вражескими отрядами в окрестностях Нарготронда, или о Туоре, который спасается бегством из разоренного Гондолина. К понятию «фэйри» Толкин относился крайне неоднозначно. Само слово *fairy* [фэйри] он терпеть не мог как французское заимствование – ведь наряду с ним существует английское слово *elf* [эльф]; и не выносил викторианский культ феечек – миниатюрных, прелестных, беспомощных созданий, зачастую насквозь фальшивых, – которых так охотно задеиствовали в назидательных сказочках для детей. Действительно, эссе «О волшебных сказках» (текст лекции, прочитанной в 1939 году в честь Эндрю Лэнга, собирателя волшебных сказок, в расширенном виде был опубликован в 1945 году в составе сборника, посвященного памяти Чарльза Уильямса) ставит целью поправить научную терминологию и улучшить вкусы широкой публики. Толкин считал, что разбирается в вопросе куда лучше и имеет дело с более древними, глубинными и важными смыслами, нежели были известны викторианцам, даже таким эрудированным, как Эндрю Лэнг.

Но даже если Толкин не жаловал фэйри, он был всем сердцем предан Фаэри, стране «драконов, да гоблинов, да великанов», где, по словам Бильбо Бэггинса, можно послушать «про спасенных принцесс да про удачливых сыновей вдовы». Сказки и стихотворения, вошедшие в эту книгу – многоплановые, самобытные, независимые, – показывают, как Толкин опробует разные подходы к тем или иным волшебным землям. Это, по сути дела, те самые полотна, которые Ниггльне «прикрепил к краям главной картины». Они интригующе намекают на направления, которые можно было бы разработать подробнее: такова, например, поздняя ненаписанная история Малого Королевства фермера Джайлза. Эти произведения позволяют нам взглянуть под совершенно иным ракурсом на толкиновское воображение в контексте целого периода, растянутого по меньшей мере на сорок лет, от зрелости и до старости. Кроме того, так уж вышло, мы хорошо знаем, как возникла каждая из этих историй.

Сказка «Роверандом», увидевшая свет только в 1998 году, была придумана более чем семьдесятю годами раньше с одной-единственной конкретной целью: утешить маленького мальчика, потерявшего игрушечную собачку. В сентябре 1925 года семья Толкинов, отец, мать и трое сыновей, Джон (в возрасте восьми лет), Майкл (в возрасте пяти лет) и малыш Кристофер, поехали на отдых в приморский городок Файли в Йоркшире. На тот момент Майкл души не чаял в своей игрушечной собачке и повсюду таскал ее с собой. Он, его отец и старший брат отправились на пляж; отвлекшись на игру, Майкл положил собачку на камешки, но когда за ней вернулись, то уже не нашли: собачка была белая, с черными пятнышками, и высмотреть ее на белом галечном взморье так и не удалось. Отец с детьми обшарили весь пляж, и в тот день, и на следующий, а потом на берег обрушился шторм и дальнейшие поиски стали невозможны. Чтобы утешить Майкла, Толкин придумал историю, в которой оловянный Ровер вовсе не игрушка, а настоящий песик, превращенный в игрушку рассерженным колдуном. Потом

игрушечный пес встречает на пляже дружелюбного волшебника, и тот отправляет его в разные путешествия, чтобы тот смог снова стать настоящим псом и воссоединиться со своим бывшим хозяином, вторым из трех мальчиков. Как и все толкиновские истории, эта разрасталась по мере рассказывания, была записана и дополнена несколькими иллюстрациями самого Толкина, вероятно под Рождество 1927 года, и обрела законченную форму примерно тогда же, когда и «Хоббит», в 1936 году.

Помимо взморья в Файли, где Ровер встречает песчаного волшебника Псаматоса, в «Роверандоме» есть три основных места действия: светлая сторона Луны, где стоит башня Человека-на-Луне, темная сторона, куда спящие дети приходят по лунной дорожке поиграть в долине снов, и подводные владения морского царя, куда отправился сердитый колдун Артаксеркс, получив назначение на пост Пан-Атлантического и Тихоокеанского Мага, или ПАМа для краткости. На Луне и на дне моря Ровер подружился с лунным псом и морским псом: обоих звали Роверами, поэтому ему пришлось взять себе имя Роверандом. Эти трое постоянно попадают в переделки, дразнят Великого Белого Дракона на Луне, пробуждают Морского Змея на дне океана, и тот, заворочавшись, вызывает шторм, подобный тому, что разметал гальку в Файли. А гигантский кит Юин как-то раз прокатил Роверандома за Моря Смутных Отражений и за пределы Островов Магии, откуда видна сама Прародина Эльфов и свет Фаэри – именно здесь Толкин ближе всего подошел к тому, чтобы присоединить и эту историю к своей масштабной мифологии. «Мне бы не поздоровилось, если бы нас заметили!» – заявляет Юин, поспешно ныряя; и больше мы ничего не узнаем о предполагаемом Валиноре.

Восклицание «Мне бы не поздоровилось!» прекрасно передает настрой этого раннего, шуточного произведения. Приключения песиков забавны, их «перевозчики» – чайка Мью и кит Юин – довольно безобидны, вот разве что немного важничают, и даже появляющиеся в повествовании три волшебника вполне добродушны и не так уж и компетентны (если взять, например, Артаксеркса). Тем не менее там есть намеки на пласты более древние, темные и глубокие. Великий Белый Дракон, которого песики дразнят на Луне, – не кто иной, как Белый Дракон Англии из легенды о Мерлине, непрестанно воюющий с Красным Драконом Уэльса; Морской Змей напоминает Змея Мидгарда, который убьет Тора в день Рагнарека; морской песик Ровер вспоминает своего хозяина-викинга, который очень похож на знаменитого короля Олава Трюггвасона. «Роверандом» вобрал в себя и миф, и легенды, и историю. Не забывал Толкин и о том, что в Опасном краю должны быть какие-никакие опасности – даже в сказке для детей. На темной стороне Луны водятся черные пауки, а также и серые, готовые замариновать маленькую собачку и утащить в свою кладовку, а на светлой стороне обитают «очень коварные мухи-меченосцы... стеклянные жуки с челюстями наподобие стальных капканов; и бледные единорожки с жалом, разящим словно копье... и самые ужасные из всех лунных насекомых – летучие тенемыши». Не говоря уж о том, что на обратном пути из долины, в которую дети попадают во сне, «в трясинах» таилось «множество премерзких, наводящих ужас существ», которые, если бы не защита Жителя Луны, «мгновенно бы сцапали нашего песика». Еще есть морские гоблины и целый список бедствий, вызванных Артаксерксом, который выбросил в мусор все свои заклинания. Толкин уже успел оценить эффект намека и недоговоренности – впечатление от историй, которые так и остались нерассказанными, от существ и сил (таки, как Некромант в «Хоббите»), которые только маячат на границе поля зрения. Вопреки логике, время, затраченное на мелкие детали, даже когда они ни к чему не ведут, это не просто «пустая возня» в духе Ниггля.

В «Фермере Джайлзе из Хэма» также преобладает шуточный тон, но это юмор иного толка, более взрослый и даже академичный. И снова история начиналась как сказка, экспромтом рассказанная детям Толкина: его старший сын Джон вспоминает, что услышал ее в каком-то варианте, когда семья пряталась под мостом от грозы, вероятно, уже после того, как они

переехали в Оксфорд в 1926 году. (В одном из ключевых эпизодов истории дракон Хризофилакс появляется из-под моста и обращает в бегство короля и всю его армию.) В первом записанном варианте в роли рассказчика выступает «папочка», а ребенок перебивает его и спрашивает, что такое «мушкетон». История постепенно дополнялась и расширялась, в окончательной форме была прочитана перед неким Оксфордским студенческим обществом в январе 1940 года и наконец увидела свет в 1949 году.

Первая шутка заключается уже в заглавии – их два, одно на английском, второе на латыни. Толкин утверждает, будто перевел историю с латыни, и в своем «предисловии» имитирует что-то вроде научного введения с его покровительственно-менторским тоном. Вымышленный редактор очень невысокого мнения о латыни вымышленного рассказчика: для него история ценна главным образом тем, что проливает свет на происхождение топонимов; он свысока поглядывает на тех наивных простецов, которых «может заинтересовать сама личность главного героя и его приключения». Но сказка берет реванш. Издатель с одобрением отзывается об «исторических анналах» и «историках времен короля Артура», но упоминает про «чередование войн и перемирий, радостей и горестей», а это – фактически дословная цитата из первой лэссы рыцарского романа «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь» – источника столь же изобилующего чудесами, сколь и неисторичного. Как наглядно свидетельствует эта история, правда в том, что «народные песенки», над которыми редактор подсмеивается, куда более достоверны, нежели ученые комментарии, к ним прилагающиеся. В «Фермере Джайлзе» древняя традиция всегда и везде одерживает верх над новомодной ученостью. «Четыре Мудрых Грамотея из Оксенфорда» дают определение мушкетону, и определение это взято из Большого Оксфордского словаря, у которого (во времена Толкина) последовательно сменилось четыре главных редактора. Однако мушкетон Джайлза определению не поддается – и тем не менее срабатывает. «Простые тяжелые мечи» при дворе короля «вышли из моды»: один из таких клинков король и отдает Джайлзу за ненадобностью. Но меч этот – «Хвосторуб» (или на латыни *Caudimordax*), и, вооружившись им, Джайлз приходит в восторг, несмотря на предстоящую встречу с драконом, ведь он так любит древние предания и героические песни, которые тоже уже не в моде.

Из моды они, может, и вышли, да только никуда не делись. Всю жизнь Толкина завораживали сохранившиеся до наших дней реликты давних эпох: слова, фразеологизмы, поговорки и даже истории и стихи, дошедшие из доисторического прошлого, которые передавались из уст в уста, естественно, зачастую искажались и в неузнаваемом виде стали частью современного коллективного повседневного опыта. Самоочевидный пример – волшебные сказки: на протяжении многих веков они сохранялись благодаря не ученым, но старушкам бабушкам и нянькам. А еще – детские стишки-прибаутки. Откуда они взялись? Старый король Коль фигурирует в «предисловии» Толкина (будучи уместно перенесен в ученую псевдоисторию), а Хризофилакс, выползая из-под моста, цитирует «Шалтая-Болтая». Еще две переработанные детские рифмованные прибаутки вошли в сборник «Приключения Тома Бомбадила» как стихотворения про «Жителя Луны». Загадки – тоже реликты прошлого, их сочиняли еще англосаксы (по сей день сохранилось больше сотни таких образчиков), ими забавляются и современные школьники. А еще есть популярные присловья, которые всегда открыты для переосмысления – кузнец «Весельчак Сэм» придумывает несколько таких пословиц в «Фермере Джайлзе», как и Бильбо во «Властелине Колец» с его афоризмом «Чистое золото не блестит», – но не исчезают совсем. А самая расхожая разновидность реликтов прошлого – это имена и названия. Они нередко восходят к глубокой древности, значение их зачастую забывается, но они по-прежнему живы и властно дают о себе знать. Толкин был убежден, что отголоски древних героических имен сохраняются даже в его собственной семье, и «Фермер Джайлз» был отчасти вдохновлен желанием «осмыслить» местные топонимы Бакингемшира – Тейм и Уормингхолл.

Однако величайшие из реликтов прошлого – это мифы, и в «Фермере Джайлзе» самая важная из одержанных побед – это победа мифического над повседневным. Ибо кому судить,

что есть что? Молодые и глупые драконы приходят к выводу: «Так значит, рыцари – это мифические существа!.. Мы всегда так думали». Глупый, чересчур цивилизованный двор предпочитает приторно-сладкий Поддельный Драконий Хвост настоящему хвосту. А потомки придворных (подразумевают Толкин) в конце концов и легенды про настоящих драконов перестанут слагать или читать и заменят их жалкими подражаниями – в точности как Повар Нокс в «Кузнице из Большого Вуттона» со своим пошлым, ограниченным представлением о Королеве Фей и стране Фаэри. Джайлз тверд, решителен и справедлив в своем обхождении как с королем и придворными, так и с драконом, хотя не следует забывать о помощи священника – человека грамотного, который выгодно выделяется на фоне всех прочих ученых умников, – и о невоспетой героине сказки, серой кобыле. Она всегда знает, что делает, даже когда фыркает, увидев совершенно ненужные Джайлзовы шпоры. Джайлзу нет нужды притворяться рыцарем.

Сборник «Приключения Тома Бомбадила» тоже возник благодаря подсказкам родственников Толкина. В 1961 году тетюшка Толкина Джейн Нив предложила ему издать небольшую книжицу про Тома Бомбадила, которую такие, как она, могли бы позволить себе купить на рождественские подарки. В ответ Толкин составил подборку стихотворений, написанных в разные времена за предшествующие сорок лет или больше. Из этих шестнадцати произведений большинство уже были когда-то опубликованы, в том числе и в малоизвестных журналах, в 1920-х и 1930-х годах, но в 1962 году Толкин, воспользовавшись случаем, основательно их переработал. К тому времени уже вышел и обрел широкую популярность «Властелин Колец», и Толкин сделал то же, что Ниггль со своими ранними картинками: вставил ранние зарисовки в общую раму более крупного полотна. Он снова воспользовался приемом высокоученого редактора: на сей раз им стал некто, обладающий доступом к «Алой книге Западного предела», коллективному хоббитскому сочинению, из которого, как считается, и был почерпнут «Властелин Колец». На сей раз этот редактор решил подготовить к изданию не основную историю, но «маргиналии» – средневековые писцы действительно частенько делали разнообразные записи и пометы на полях более солидных трудов.

Такой прием позволил Толкину включить в сборник ни на что не претендующие шуточные стихи, такие как «Кот» (№ 12), написанный уже в 1956 году для внучки Джоанны; или стихотворения, никак не связанные со Средиземьем, такие как «Мьюлипы» (№ 9), – изначально оно было опубликовано в «Оксфорд мэгезин» в 1937 году, с подзаголовком: «Строки, сочиненные в ожидании ответа под дверью высокопоставленного ученого мужа», – или произведения, со Средиземьем все-таки связанные, хотя теперь автор питал на их счет некоторые сомнения. Так, например, «Приключение» (№ 3) впервые было написано по меньшей мере тридцатью годами раньше и с тех пор подверглось переработке и превратилось в песню, которую Бильбо поет во «Властелине Колец», но фигурирующие в нем имена и названия никак не соответствовали эльфийским языкам, разрабатываемым все подробнее. Потому редактор-Толкин объясняет, что, хотя стихотворение и принадлежит авторству Бильбо, он, по-видимому, написал его вскоре после того, как удалился на покой в Ривенделл, в ту пору, когда мало что знал об эльфийской поэтической традиции. К тому времени, как Бильбо сочинил вариант, вошедший в книгу «Властелин Колец», он уже разбирался в эльфийском стихосложении куда лучше, хотя Бродяжник все равно считал, что от добра добра не ищут. Несколько других произведений – как, например, два стихотворения про троллей (№ 7 и № 8) или «Олифант» (№ 10) – приписываются Сэму Гэмджи, чем и объясняется их несерьезный характер. Два стихотворения про Жителя Луны (№ 5 и № 6), оба датирующиеся 1923 годом, наглядно подтверждают интерес Толкина к детским стишкам-прибауткам: в воображении Толкина это – древние полноценные законченные стихотворения, до наших дней дошедшие в искаженном, обрывочном виде; именно такие были бы популярны в его вымышленном Шире.

Однако первые два и последние три стихотворения в подборке свидетельствуют, что Толкин прорабатывал свой материал куда глубже и серьезнее. Заглавное стихотворение (№ 1) тоже уже публиковалось в «Оксфорд мэгезин» – в 1934 году, но второе (№ 2), «Бомбадил катается на лодке», возможно, было написано еще раньше. Как и Роверандом, Бомбадил впервые возник как имя для игрушки одного из сыновей Толкина, но вскоре утвердился как своего рода воплощение английской провинции и многовековых традиций сельских жителей: он могущественен, своенравен – не без того! – но совершенно равнодушен к власти. В обоих стихотворениях Тому постоянно угрожают, Нежить – всерьез, ондатр и хоббиты, истыкавшие стрелами его шляпу, – в шутку; его поддразнивают зимородок, и пеночка, и те же хоббиты. Том в долгу не остается и обычно одерживает верх над насмешниками, но если первое стихотворение заканчивается на торжествующей и благостной ноте, в финале второго ощущается горечь утраты: Бомбадил не вернется.

Последние три стихотворения все представляют собою радикальную переработку ранних вариантов и стали куда мрачнее по тематике. «Клад» (написанный еще в 1923 году) описывает то, что Толкин в «Хоббите» назовет «драконьей хворью»: жадность и собственничество, что подчиняют себе одного за другим эльфа, и гнома, и дракона, и героя, и всех их приводят – как Торина Дубошита в «Хоббите» и эльфийского короля Тингола Серого Плаща в «Сильмариллионе» – к смерти. «Последний корабль» – наглядная иллюстрация того, как в душе Толкина боролись два стремления: с одной стороны – желание избежать смертного удела и отправиться в Неувядаемые земли подобно Фродо, а с другой стороны – понимание того, что это не просто невозможно, но по сути нежелательно: правильнее было бы повернуть назад и прожить свою жизнь как Сэм Гэмджи. Может, оно и правильно, но, как обнаруживает Арвен, выбор этот горек, поскольку необратим. Наконец, «Колокол моря» напоминает нам, почему Опасная страна так опасна. Те, кто побывал в ней, подобно лирическому герою стихотворения, знают, что остаться им не позволят, но по возвращении их одолевает мучительное ощущение утраты. Как говорит Сэм Гэмджи о Галадриэли, обитатели Фаэри, возможно, зла и не желают, но они все равно опасны для простых смертных. Тот, кто с ними повстречается, прежним уже не будет. С учетом толкиновской «редакторской» рамки, пусть лирический герой и не отождествляется с самим Фродо, хоббит-переписчик, который назвал стихотворение *Frodos Dreame*³, выразил тем самым страх, вызванный в Шире не вполне понятными событиями Войны Кольца, равно как и (в реальности) чувства самого Толкина – боль утраты и горечь подступающей старости.

Эти темы звучат все отчетливее в последней опубликованной Толкином сказке «Кузнец из Большого Вуттона». Она возникла благодаря просьбе издателя в 1964 году написать предисловие к новому иллюстрированному изданию «Золотого ключа» за авторством викторианского писателя Джорджа Макдональда. (Толкин высоко отзывался об этом произведении в своем эссе «О волшебных сказках» почти за двадцать лет до того.) Толкин согласился, приступил к работе над предисловием, написал несколько страниц и начал иллюстрировать свои рассуждения о неожиданных отблесках Фаэри историей про повара, который пытается испечь пирог для детского праздника. На этом он отложил предисловие и более к нему не возвращался – и вместо того написал сказку. Ее доработанный вариант был прочитан перед большой аудиторией в Оксфорде 28 октября 1966 года, а в следующем году историю опубликовали.

Название у сказки подчеркнуто простенькое, проще даже, чем «Фермер Джайлз из Хэма», и сам Толкин отмечал, что оно наводит на мысль о старомодной сказочке для школьников. Однако топоним «Вуттон» [Wootton], для Англии совершенно обычный, является говорящим: некогда все имена заключали в себе какой-то смысл. Он означает «городок в лесу», и уже вторая фраза подтверждает, что Вуттон находился «посреди густого леса». Леса и роши,

³ Сон Фродо (ср.-англ.). – Примеч. пер.

от Мирквуда до Фангорна, для Толкина были очень важны; одно из их постоянных (и реалистичных) свойств состоит в том, что в лесах людям случается сбиться с пути и заплутать. По-видимому, именно это и случилось с жителями Большого Вуттона или по крайней мере с многими из них: они немного тщеславны, звезд с неба не хватают и довольствуются малым: их в первую очередь занимают еда и питье; это не самые дурные люди, хоть и ограниченные. А вот Кузнец представляет собою исключение. На детском празднике, который устраивают в деревне раз в двадцать четыре года, он проглатывает звезду, и эта звезда становится его пропуском в Фаэри (здесь Толкин использует написание *Faery*, в отличие от своего обычного варианта *Faërie*). Далее в сказке рассказывается о жизни Кузнеца, описываются некоторые из его видений и приключений в Волшебной стране, а также и повторяющиеся деревенские празднества, пока не наступает срок Кузнецу отдать звезду, чтобы ее запекли в пирог и она перешла к какому-то другому ребенку. В последний раз покидая Фаэри, Кузнец понимает, что «на этот раз его путь ведет к утрате». Он в том же положении, как и лирический герой «Колокола моря», хотя, в отличие от него, легче смиряется со своей участью. Эта история – «прощание с Волшебной страной».

Вовсе не значит, что Кузнец потерпел неудачу. Благодаря пропуску в Иномирье он в реальном мире изменился в лучшую сторону и своей жизнью отчасти помог ослабить в Вуттоне «железное кольцо обыденности» и «адамантовое кольцо убежденности»: все, что стоит знать, уже и без того известно (как писал Толкин в комментариях к своей собственной сказке). А звезда неожиданным образом перешла дальше и пребудет впредь. Однако и пошлость по-прежнему сильна: главный конфликт сюжета – это противостояние между Альвом – посланцем из Фаэри в реальный мир, в то время как Кузнец путешествует в противоположном направлении, – и Ноксом, предшественником Альва на должности деревенского Мастера Повара. Нокс воплощает в себе многое из того, что Толкин терпеть не мог в реальной действительности. Грустно, что у самого Нокса настолько ограниченное представление о Фаэри или о том, что таится глубоко в чаще, за пределами будничного мирка деревни, но то, что Нокс отрицает наличие воображения у кого бы то ни было еще и пытается свести детей к своему уровню, – непростительно. Пирог он представляет себе не иначе как приторно-сладким, а фэйри – как слащаво красивеньких. Этой безвкусице противостоят видения Кузнеца: грозные эльфийские воины, возвращающихся из сражений у Темных Границ, Королевское Древо, Ураган и плачущая береза, танцующие эльфийские девы. В конце концов Нокса повергает в страх его ученик Альв, представ перед ним в своем истинном облике – как король Фаэри; но образ мыслей Нокса не меняется. Именно за ним в сказке остается последнее слово, большинство обитателей Вуттона об уходе Альва не слишком-то горюют, а звезда переходит из семьи Кузнеца в семью Нокса. Если Кузнец, и Альв, и Фаэри и оказали какое-то влияние на деревню, проявится оно нескоро. Но, вероятно, так уж устроен мир.

То есть *наш* мир устроен именно так. В «Листе работы Ниггля» Толкин изображает свое видение некоего иного мира, в котором есть место и для Средиземья, и для Фаэри, и для всех других сокровенных желаний сердца. Тем не менее, хотя эта притча представляет собою «божественную комедию» и заканчивается смехом, сотрясающим основы мироздания, начало ее омрачено страхом. В нескольких письмах Толкин рассказывал, что вся эта история от начала и до конца привиделась ему во сне и он тут же ее записал (где-то между 1939 и 1942 годом – здесь свидетельства разнятся). Это тем более правдоподобно, поскольку такие кошмары являются нам всем. Студентам накануне экзамена снится, что они проспали; ученым, которым предстоит делать доклад, снится, что они выходят на кафедру, а текста выступления в руках нет и в голове пусто. А в основе «Листа работы Ниггля» со всей очевидностью лежит страх *так и не закончить начатого*. Ниггль знает, что срок его ограничен: его «дедлайн» – это со всей очевидностью смерть, путешествие, которое предстоит всем нам; он пишет картину, которую

отчаянно хочет завершить, но он все откладывает и откладывает дело в долгий ящик, а когда наконец энергично принимается за работу, приключаются разные события, его отвлекающие. Потом он заболевает; появляется Инспектор, который видит в его картине лишь кусок холста, пригодный для ремонта крыши; художник начинает спорить; входит Водитель и сообщает, что Нигглю пора в путь и взять с собой ничего нельзя, кроме маленькой сумочки, которую тот прихватывает в последний момент. Но даже ее Ниггль забывает в купе, а когда спохватывается, поезд уже ушел. Словом, час от часу не легче: такого рода кошмары всем нам хорошо знакомы. И в случае Толкина нетрудно вообразить, чем сон подсказан. К 1940 году он проработал над мифологией «Сильмариллиона» более двадцати лет, но ничего из этих материалов не было опубликовано, кроме как россыпь стихотворений и «спин-офф» – «Хоббит». Толкин писал «Властелина Колец» начиная с Рождества 1937 года, и эта работа тоже продвигалась медленно. Его кабинет был битком набит набросками и черновиками. Можно также предположить, что, подобно большинству преподавателей, он считал свои многочисленные административные обязанности досадной помехой, хотя Ниггль (как, вероятно, и Толкин) пристыженно признаёт, что легко отвлекается на что угодно и времени своего не ценит.

Умение сосредоточиться на работе и правильно распределять время – вот чему Нигглю предстоит научиться в Работном Доме: большинство критиков сходятся на том, что это – некий вариант Чистилища. И Ниггль получает свою награду – обнаруживает, что в Ином мире мечты сбываются: перед ним оказывается его Дерево, куда лучше нарисованного и лучше даже, чем художнику представлялось в воображении, а за ним видны Лес и Горы, которые он только начинал про себя придумывать. И однако ж там есть еще над чем потрудиться и что улучшить, а для этого Нигглю нужно работать рука об руку со своим соседом Пэришем, который в реальном мире, как казалось, вечно его отвлекал. Воплощение их совместного видения признают очень полезным местом для выздоравливающих даже Голоса, которые судят людские жизни; но и тогда это только преддверие к замыслу гораздо более великому, о котором смертные могут лишь догадываться. Но надо же с чего-то начинать. Как говорит Королева Фей в «Кузнеце»: «Пусть хотя бы куколка напоминает о Волшебной Стране», и лучше грезить о Фаэри, нежели закрывать глаза на то, что за будничным миром повседневности есть нечто большее.

В конце концов, в «Листе» представлены два финала, один – в Ином мире, другой – в мире, который Ниггль покинул. Иномирный финал исполнен радости и смеха, но в реальном мире надежда и память обречены на гибель. Великое полотно Ниггля с изображением Древа «пускают в дело» – используют для того, чтобы залатать дыру в крыше; обрывок картины с изображением одного-единственного листа попадает в музей, но музей сгорает дотла, и Ниггль оказывается совсем позабыт. Последнее, что про него говорят, это: «А я и не знал, что он красками баловался»; и по всей видимости, будущее – за Советником Томпкинсом с его взглядами касательно практического образования и – не забываем, что история написана самое позднее в начале 1940-х, – касательно уничтожения нежелательных элементов общества. Если для нас и есть лекарство, то это – «дар», говорит Толкин, подчеркивая, что Ниггль употребляет слово «в его прямом смысле». Или – если воспользоваться другим словом, обозначающим то же самое, – «благодать».

Таким образом, «Лист работы Ниггля» заканчивается и тем, что Толкин в эссе «О волшебных сказках» называет «*дискатастрофой*... горем и неудачей», и тем, что он считает «высшей функцией» волшебной сказки и *евангелия*, «благой вести», которая стоит за нею, и это – «эвкатастрофа», «внезапный “поворот к лучшему”», «внезапная, чудесная благодать», которая обнаруживается у братьев Гримм, в современной волшебной сказке и в наивысшей мере – в собственных толкиновских «Сказках Волшебной страны». В среднеанглийской поэме «Сэр Орфео», которую Толкин подготовил к печати в 1943–1944 годах (в виде брошюры без указания авторства, экземпляров которой, что характерно, почти не сохранилось), бароны утешают

управляющего, которому только что сообщили о смерти его господина: «...And telleth him how it geth, / It is no bot of mannes deth». «Уж так повелось, – говорят они, – ничем тут не поможешь»; или, как Толкин передал смысл последней строки в своем переводе, опубликованном посмертно в 1975 году, «death of man no man can mend» – «смерть человеческую никто из людей исправить не может». Бароны сочувствуют утрате, намерения у них самые добрые, но при этом они смотрят на вещи здраво: так уж действительно заведено от века. Но на сей раз поэма доказывает их неправоту, ведь Орфео жив и спас свою королеву из плена в Фаэри. Такой же «поворот» мы видим во «Властелине Колец»: после того, как Кольцо было уничтожено, Сэм рухнул наземь на склоне горы Рока, понимая, что смерть неизбежна, – и пришел в себя живым и невредимым: он спасен, и перед ним – воскресший Гандальв. В Волшебной стране царит радость, и на Темных границах тоже, радость тем более великая, что бросает вызов скорбям и утратам реальной жизни – и побеждает.

Том Шинни

Роверандом

1

Жил некогда маленький песик по кличке Ровер. Был он совсем юным и ни-и-ичегошеньки не знал! И он был так счастлив, играя своим желтым мячиком в залитом солнечным светом саду...

А иначе никогда не сделал бы он того, что он сделал.

Не всякий старик в потертых штанах непременно злой. Их носят дворники, что подбирают на улицах бутылки и кости (валяющиеся где попало), – они сами могут быть владельцами маленьких собак. Иногда их надевают садовники. А еще иногда – правда, совсем уж редко – в них ходят волшебники, слоняющиеся в выходной день и раздумывающие, что бы им такое сотворить.

Это был как раз волшебник. Он только что вошел в наш рассказ и задумчиво приближался к Роверу по садовой дорожке. На плечах его болтался старый лоснящийся пиджак, из рта свисала старая трубка, а на голове топорщилась старая зеленая шляпа. И не будь Ровер столь занят облаиванием мячика, вероятно, заметил бы он торчавшее позади из шляпы синее перо; и тогда, возможно, заподозрил бы он, что перед ним волшебник, – как заподозрила бы это любая другая тонко чувствующая маленькая собака. Но он перьев вообще никогда не видел.

Когда старик наклонился и поднял мяч (он в тот момент подумал: а не превратить ли его в апельсин? или в косточку? или в кусочек мяса?), пес заворчал и сказал:

– Положи на место! (без «пожалуйста»).

Разумеется, волшебник, будучи волшебником, прекрасно его понял и ответил в том же духе:

– Ну-ка, тихо, дурень! (тоже без «пожалуйста»).

И затем он положил мячик в карман – просто чтобы слегка подразнить пса – и отвернулся.

Мне ужасно неловко, но я вынужден сказать, что Ровер немедленно вцепился ему в брюки и выдрал из них приличный клоч. Не исключая, что он мог выдрать клоч и из волшебника. Потому что тот внезапно снова обернулся, очень рассерженный, и крикнул:

– Идиот! Убирайся! И стань игрушкой!

Странные вещи начали происходить вслед за тем.

Ровер был собачкой очень маленькой, но тут он вдруг почувствовал, что стал еще гораздо меньше. Трава чудовищно выросла и колыхалась где-то в вышине над его головой. И там, далеко-далеко, словно сквозь верхушки деревьев, увидел он гигантский, подобный солнцу, желтый шар, падающий на землю.

Он слышал, как защелкнулись ворота за уходящим, но увидеть его не смог. Попытался залаять, но издал лишь едва слышный писк, чересчур слабый, чтобы люди обратили внимание. Я думаю, на него не обратила бы внимания даже собака.

Он стал таким крошечным, что я уверен, если бы в тот момент мимо проходила кошка, она приняла бы Ровера за мышь и съела бы его. Тинкер бы съел. (Тинкером звали большущего черного кота, жившего в том же доме.)

При мысли о Тинкере Ровер перепугался не на шутку. Однако кошки тут же улетучились у него из головы, потому что сад, окружавший его, внезапно исчез, и он почувствовал, что его подхватывает порывом ветра и уносит куда-то. Когда же вихрь наконец стих, пес обнаружил, что лежит в темноте, зажатый среди каких-то тяжелых предметов. Так он и лежал – судя по его

ощущениям, в душной коробке – очень долго и неудобно. Ему ужасно хотелось есть и пить, но это было еще не самое худшее: он понял, что не может двигаться.

Вначале песик подумал, что не в состоянии двигаться, потому что плотно запакован, однако позже он сделал жуткое открытие: он вообще не мог шевелиться в дневное время. Вернее, мог, но с невероятным усилием и только когда никто этого не видел. И лишь после полуночи на короткое время получал он возможность передвигаться и слегка вилять одеревенелым хвостом.

Он стал игрушкой. И из-за того, что вовремя не сказал «пожалуйста», теперь все время должен был сидеть на задних лапах и «служить», словно выпрашивая подачку.

Такую позу придал ему волшебник.

По прошествии времени, показавшегося ему очень долгим и мрачным, Ровер вновь попытался залаять – громко, чтобы слышали люди. Затем он попробовал укунить какую-нибудь из вещей в коробке – а там были глупые маленькие игрушечные зверушки; действительно игрушечные, из дерева и олова, а вовсе не такие заколдованные живые собачки, как Ровер... Тщетно: он не мог ни лаять, ни кусаться.

Но вот кто-то подошел и снял с коробки крышку, впусив в нее свет.

– Нам бы стоило утром выставить кое-каких зверей в витрину, Гарри, – произнес голос, и в коробку просунулась рука.

– А это что?.. – Рука ухватила Ровера. – Не помню, чтобы видел ее прежде. Откуда она в трехпенсовой коробке?.. Нет, ты когда-нибудь видел столь правдоподобную игрушку? Посмотри-ка на шерсть и глаза!

– Проставь на ней шесть пенсов, – сказал Гарри, – и помести на самом видном месте в витрине.

И вот там, в витрине, на самом солнцепеке бедный маленький Ровер должен был находиться все утро, весь день, почти до самого ужина; и все это время он был вынужден сидеть на задних лапах и делать вид, что заискивающе просит, хотя в действительности был очень зол.

– Я убегу от первых же людей, которые меня купят, – сообщил он другим игрушкам. – Я не игрушка и ни за что игрушкой не буду. Я – настоящий. Скорей бы уж меня купили... Ненавижу этот магазин – не торчать же мне всю жизнь в витрине!

– Зачем тебе двигаться? – удивились другие игрушки. – Мы же не двигаемся! Гораздо спокойней стоять просто так, не думая ни о чем. Дольше отдыхаешь – дольше живешь. Так что помолчи, твоя болтовня мешает нам спать, а ведь впереди у некоторых из нас далеко не радужная перспектива...

Больше они разговаривать не хотели, и бедному Роверу сделалось совсем одиноко. И был он очень несчастен и очень раскаивался в том, что порвал брюки волшебнику.

Не могу сказать, имел ли к этому отношение волшебник, но женщина вошла в магазин именно в тот момент, когда Ровер чувствовал себя таким несчастным. Она увидела его в витрине и подумала, что эта прелестная маленькая собачка ужасно понравилась бы ее мальчику. У нее было трое сыновей, и один из них, средний, чрезвычайно увлекался коллекционированием собачек; особенно ему нравились маленькие черно-белые. Итак, она купила Ровера, и тот был завернут в бумагу и положен в корзину для покупок среди прочих вещей, купленных ею к чаю.

Вскоре Роверу удалось высвободить из бумаги голову. Пес чувствовал, что один из бумажных пакетов пахнет кексом, но обнаружил, что не может до него дотянуться, и от досады зарычал еле слышным игрушечным рыком. Одни лишь кровати слышали его и спросили, в чем дело. Он рассказал им все, ожидая, что они будут очень ему сочувствовать, но они сказали только:

– А как бы тебе понравилось, если бы тебя сварили? Тебя варили когда-нибудь?

– Нет, насколько я помню, меня никогда не варили, – отвечал Ровер, – хотя меня время от времени купали, и это не очень приятно. Но я полагаю, что быть сваренным и вполонину не так ужасно, как быть заколдованным.

– Тогда тебя точно никогда не варили, – сказали они. – Это самое худшее, что только может случиться с кем бы то ни было. Мы краснеем от ужаса при одной лишь мысли об этом.

Ровер почувствовал себя уязвленным и потому заявил:

– Ну и ладно, все равно вас скоро съедят, а я буду сидеть и смотреть.

После этого креветкам нечего было сказать ему, и, предоставленный сам себе, он мог сколько угодно лежать и строить предположения, что за люди купили его.

Он вскоре узнал это. Его принесли в дом; корзину поставили на стол и вынули из нее все пакеты. Креветок сразу унесли в кладовку, Ровера же прямоком передали маленькому мальчику, для которого он был куплен. Тот понес его в детскую и стал с ним разговаривать.

Если бы пес не был так сердит и слушал, что говорит ему мальчик, тот бы ему непременно понравился. Ведь мальчик лаял на самом лучшем собачьем языке, какой только ему был доступен, и знал он этот язык совсем не так плохо. Однако Ровер даже не пытался ответить. Он все думал о своей клятве убежать от первых же людей, которые его купят, и о том, как бы ему это сделать. И все время, пока мальчик поглаживал его и двигал по столу и по полу, он был вынужден сидеть на задних лапах и «служить».

Но вот наконец настала ночь, и мальчика отправили спать. Ровера, вынужденного все так же «служить», покуда тьма не сгустилась полностью, поставили на стул около кровати. Занавески плотно задвинули. А снаружи луна поднялась из моря и положила на воду свою серебряную дорожку, по которой можно дойти до края мира и дальше – разумеется, тому, кто умеет по ней ходить.

Отец, мать и трое сыновей жили у самого берега моря в белом доме, глядящем окнами поверх волн прямоком в никуда.

Когда мальчики затихли, Ровер распрямил свои усталые негнущиеся лапы и подал голос – столь тихо, что не услышал никто, кроме старого безобразного паука в углу на потолке. Затем он спрыгнул со стула на кровать, а с кровати скатился на ковер и бросился вон из комнаты, вниз по ступеням, через весь дом...

Поскольку прежде он был живым, то умел бегать и прыгать намного лучше, нежели большинство игрушек ночью. Тем не менее путешествовать в таком виде оказалось ужасно сложно и опасно: при его нынешнем росте спускаться по лестнице было равносильно тому, чтобы прыгать со стен, а уж забираться обратно...

И все напрасно. Разумеется, обе двери были заперты. И не было ни щели, ни дыры, в которую он мог бы пролезть.

Так бедный Ровер и не сумел убежать в ту ночь. Утро застало нашего усталого маленького песика сидящим на задних лапках и делающим вид, что «просит», на том самом месте около кровати, откуда он начал свой побег.

Обычно, когда выдавалось ясное утро, два старших мальчика любили, встав спозаранок, носиться до завтрака вдоль берега по песку. В тот раз, проснувшись и раздвинув занавески, они увидели солнце, выпрыгивающее из моря: все огненно-красное, с облаками на макушке, оно как будто приняло холодную ванну и теперь вытиралось полотенцем. Мальчики быстренько вскочили, оделись и стремглав помчались гулять – вниз, с обрыва, на пляж, – и Ровер был с ними.

Когда мальчик, которому принадлежал Ровер, уже выбегал из спальни, взгляд его упал на комод, куда он, умываясь, поставил песика.

– Он просится гулять! – сказал мальчик и положил Ровера в карман брюк.

Но Ровер вовсе не просился «гулять», и уж определенно не в кармане брюк. Он хотел отдохнуть и набраться сил, чтобы подготовиться к следующей ночи, думая, что уж в этот-то раз он непременно найдет выход и убежит и будет бежать все дальше и дальше, пока не придет к своему дому, и саду, и желтому мячику на лужайке. У него было странное убеждение, что, если бы он только смог вернуться обратно на лужайку, все встало бы на свои места, чары развеялись – или, возможно, он бы проснулся и обнаружил, что все это было сном.

Итак, в то время как мальчики скатывались по каменистой тропе и носились по песку, пес пытался лаять и бороться, извиваясь в кармане. Можете себе представить, каково ему было – ведь он едва мог пошевелиться!

И все же он делал что мог, и удача улыбнулась ему. В кармане лежал носовой платок, смятый и скомканный, и, карабкаясь по нему, Ровер умудрился высунуть наружу нос и принюхаться.

То, что он учуял и увидел, чрезвычайно удивило его. Он никогда прежде не видел моря и не знал его запаха, ведь деревушку, где он родился, отделяли от шума и запаха моря сотни и сотни миль...

И тут внезапно – именно в тот момент, когда он высунулся, – над самыми головами мальчиков пронеслась гигантская серо-белая птица, издающая звуки, которые могла бы издавать огромная крылатая кошка. Ровер так перепугался, что вывалился из кармана на мягкий песок.

И никто этого не услышал. Гигантская птица улетела, не обратив на его жалкий лай никакого внимания, а мальчики всё бежали дальше и дальше по песку, совершенно не думая о нем...

Поначалу Ровер был чрезвычайно доволен собой.

– Я убежал! Я убежал! – лаял он своим игрушечным лаем, который могли бы услышать разве что другие игрушки, а их там не было.

Потом он перекатился на бок и растянулся на чистом сухом песке, все еще отдающем прохладой звездной ночи.

Однако когда мальчики исчезли вдали, спеша домой, и никто его так и не заметил, и он остался совсем-совсем один на пустынном берегу, он уже не чувствовал себя таким довольным. Берег был абсолютно пуст, если не считать чаек. Единственными отпечатками на песке, за исключением следов их когтей, были дорожки, прочерченные подошвами мальчиков: в то утро они выбрали для прогулки чрезвычайно отдаленную часть пляжа, куда заходили редко.

Да и вообще туда нечасто кто-либо заходил. Потому что, хотя песок там был чистый и желтый, а галька белая, а море синее-пресинее, с серебряной пеной в маленькой бухточке под серыми скалами, какое-то странное чувство возникало у всех, кому доводилось оказаться там, – за исключением тех моментов раннего утра, когда нарождалось солнце. Люди говорили, что в этом месте случаются странные вещи, иногда прямо средь бела дня. В вечернее же время в бухту во множестве заплывали русалки и русалы, а также крохотные морские гоблины, разгонявшие своих малюсеньких морских коньков по гребням волн и на всем скаку спрыгивавшие с них кто дальше в пену у кромки воды, к самому подножию скал.

А причина такой странности была проста: в этой бухте жил старейший из всех песчаных колдунов – *псаматистов*, как зовет их морской народ на своем плещущем, брызгучем языке.

Псаматос Псаматидес было его имя. Во всяком случае, так он говорил и чрезвычайно ревниво относился к тому, чтобы оно произносилось должным о бразом...

При всем том был он стар и мудр, и странный народец всякого сорта приходил к нему, ибо он был превосходным магом и в придачу существом чрезвычайно добродушным (по отношению к тем, кто, по его мнению, этого заслуживал), хотя с виду и слегка желчным. Морской народ обычно неделями хохотал до упаду над его шутками на какой-нибудь из вечеринок при луне.

Однако днем найти его было непросто. Он любил закопаться, пока сияет солнце, поглубже в теплый песок, так, чтобы лишь кончик одного из его длинных ушей торчал наружу. Впрочем, будь даже оба его уха высунуты, большинство людей, подобных вам или мне, все равно приняли бы их просто за щепки.

Вполне вероятно, что старый Псаматос все знал о Ровере. И уж определенно он был знаком с волшебником, заколдовавшим нашего пса, – ведь магов и волшебников на свете не так уж много, и они прекрасно знают друг о друге и следят за действиями друг друга, поскольку в частной жизни далеко не всегда являются друзьями.

Итак, Ровер одиноко лежал на мягком песке, чувствуя себя все более и более странно, а Псаматос – хотя Ровер и не видел его – подглядывал за ним из кучи песка, специально насыпанной для него предыдущей ночью русалками.

Однако песчаный колдун не говорил ничего. И Ровер не говорил ничего. И уже прошло время завтрака, солнце поднялось и раскалилось.

Ровер смотрел на море, спокойно шумевшее рядом, и вдруг его обуял чудовищный страх. Вначале он подумал, что это песок запорошил ему глаза, но потом понял, что не ошибся: море придвигалось все ближе и ближе, поглощая все больше и больше песка, волны становились всё выше и пенистей...

Прилив наступал. Ровер лежал как раз чуть ниже линии наивысшей его отметки – но ведь бедный пес совсем ничего об этом не знал! Он все больше приходил в ужас от происходящего и уже представлял себе, как бурлящие волны вплотную придвигаются к скалам и смывают его в покрытое пеной море (что гораздо хуже, чем любое купание в мыльной пене).

И все это время он продолжал жалко «просить»...

Такое на самом деле могло произойти – но не произошло. Смею предположить, что Псаматос имел ко всему этому некоторое отношение: как мне представляется, заклятье, тяготевшее над Ровером, не так сильно действовало в той странной бухте, в непосредственной близости от резиденции другого мага.

Как бы там ни было, когда море подошло уже почти вплотную и Ровер уже почти обезумел от ужаса, мучительно пытаясь откатиться хоть немного повыше, он внезапно обнаружил, что может двигаться.

Нет, его величина не изменилась, но он больше не был игрушкой – он мог двигать всеми лапами быстро-быстро, как надо, хотя на дворе и стоял день! Он больше не должен был «служить», и у него была возможность бежать туда, где песок был более твердым! И еще: он мог лаять – не игрушечным, а настоящим, хотя и соответствовавшим его волшебной величине лаем!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.